

УДК 81'27
ББК 81
Х-986

Хутыз Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий факультета Романо-германской филологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСОВ СОВРЕМЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**
(рецензирована)

В статье рассмотрено влияние лингвокультурных традиций на конструирование современных дискурсов. На примере сравнительного анализа сигналов диалогичности, реализованных в русско- и англоязычном академическом дискурсе, мы доказываем, что различия в конструировании дискурса обусловлены не морфологическими особенностями языков, а культурными коммуникативными традициями и отношением к знанию.

***Ключевые слова:** конструирование дискурса, лингвокультура, связность, линейность, диалогичность, интерактивность.*

Khoutyz Irina Pavlovna, Doctor of Philology, professor, head of the Department of Applied Linguistics and New Information Technologies of the Faculty of Romance and Germanic Philology of FSBEI HPE "Kuban State University"; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com.

**CONSTRUCTION OF DISCOURSES OF MODERNITY
IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC CULTURE**
(reviewed)

The article considers the influence of linguocultural traditions on the construction of modern discourses.

We argue that differences in the construction of discourses are not due to morphological features of languages but to cultural communicative traditions and attitude to the knowledge (on the example of comparative analysis of dialogic signals implemented in Russian and English-language academic discourse).

Keywords: discourse construction; linguistic culture; connectivity; linearity; dialogic; interactivity.

Любой дискурс – это определенный вид деятельности, несущий в себе информацию об этом процессе. При такой исследовательской перспективе дискурс понимается как важнейшее средство изучения отдельной сферы функционирования общества и его представителей. Цель данной статьи – рассмотреть выявленные в предшествующих исследованиях различия в конструировании дискурса, обусловленные лингвокультурой, и определить некоторые особенности современной русскоязычной коммуникации, сформировавшиеся под влиянием социокультурных традиций и норм.

Особенности взаимодействия в социуме – и в профессиональной, и бытовой сфере – культурно обусловлены и имеют свои специфики. Обширные исследования подтверждают, что конструирование профессиональных дискурсов происходит под сильнейшим воздействием национальных традиций общения, исторических и географических особенностей развития социума.

Так, например, академический дискурс (АД) обладает культурно предопределенными спецификами [1, с. 2]. В некоторых культурах для АД типична нелинейная структура, предмет дискуссии четко не определен (например, в Индонезии, Индии, Китае, Японии). Отход от темы и обращение к дополнительной информации свойственны немецкому, итальянскому, испанскому и латиноамериканскому дискурсам. Англосаксонская традиция конструирования АД делает акцент на линейности, четкой структурированности исследования [3, р. 163]. В АД Восточной Европы и России часто отсутствует четкое заключение, подводящее итог сказанному [2]. Предпочтение линейного/нелинейного способа представления информации связано с выбором акцента на форме или содержании [3]. Культуры, ориентированные на содержание, как правило, конструируют дискурсы линейно (например, англоязычные культуры). Подобное изложение информации может показаться непрофессиональным (упрощенным) в культурах, ориентирующихся на форму и

считающих, что читатель должен сделать усилие, чтобы понять идею, преподносимую автором [2].

Американский лингвист Роберт Каплан в 1966 году отметил, что письменный дискурс связан с логикой, которая, по мнению многих социологов и антропологов, является культурным феноменом. Именно поэтому изучение языка нельзя свести к уровню предложения, включающего лексику, грамматику и порядок слов. В подтверждение Р. Каплан цитирует отрывок из книги французского философа М. Дюфренна, отметившего, что если бы Аристотель был мексиканцем, его логика была бы абсолютно иной: тогда бы философская наука имела совсем другое лицо [4]. Каплан делает вывод, что логика, являясь основой риторики, развивается в культуре и не является универсальной по своей сути. Риторика, также как и логика, зависит от вкусов в конкретной культуре в определенный период [5, p. 12].

Эти различия в мышлении особенно видны, когда студенты, освоившие иностранный язык, не могут справиться с письменным заданием. Преподаватель в таких ситуациях отмечает, что, хотя вся основная информация представлена, нет ожидаемого фокуса на теме, нет связности или нужной организации текста. Это не удивительно, отмечает Каплан, так как студент использует риторику, типичную для своего родного языка [5].

Носители английского языка, читая текст, ожидают увидеть связность, которая линейна в своем развитии. Система рассуждений может быть как индуктивной, так и дедуктивной, но поток идей должен быть расположен как прямая линия, в которой одна мысль перетекает в другую.

Проведя сравнительный анализ 220 страниц русскоязычных и англоязычных исследовательских статей по лингвистике, мы, во-первых, обратили внимание на четкую структурированность англоязычной статьи, заключающуюся в обозначенном введении, описании предшествующих работ по теме исследования, основной части, определяющей вклад автора в развитие темы, и заключения. Во-вторых, в англоязычных статьях очевидно присутствие агента действия; автор конструирует свое «я», называя себя, и противопоставляет свою идентичность научному сообществу, обозначенному местоимением «мы», с помощью которого в дискурс вовлекается читатель и интенсифицируется категория диалогичности [6, 7]. Кстати, на необходимость конструирования своего «я» в англоязычных дискурсах обращает внимание американский антрополог Б. Рогофф, указывая, что американскому правительству пришлось потрудиться, чтобы воспитать чувство конкуренции у аборигенов, которые в 1883 году по заявлению сенатора Генри Л. Даус из Массачусетса были, к его великому сожалению, лишены чувства эгоизма – основы цивилизации. Владение землей коммуной, по мнению американского правительства, лишало человека стремления сделать свой дом лучше, чем дом соседа. В документе, изданном Конгрессом в 1888 году, посол по делам аборигенов настаивал на том, что нужно развивать эгоизм американской цивилизации у студентов коренного населения Америки, чтобы они учились говорить «я» вместо «мы»: “say *I* instead of *We*, and *This is mine* instead of *This is ours*” [8, p. 227].

Возвращаясь к исследованию Р. Каплана, отметим, что он рассмотрел 600 сочинений студентов-иностранцев на английском языке и выявил отличия в том, как строится письменная речь у арабов, азиатов, французов и русских. Так, говорящие на арабском языке используют в абзацах сложную последовательность параллельных конструкций (а не сложноподчиненные предложения), содержащих как позитивную, так и негативную информацию. Если подобные параллельные конструкции появятся на английском языке, то такой письменный дискурс будет воспринят как устаревший, громоздкий и, самое главное, усложняющий понимание информации. Особенностью письменного дискурса азиатов Каплан называет косвенность. Дискурс развивается по кругу и косвенно рассматривает предмет дискуссии под разными углами, но предмет часто не упоминается, т.е. информация указывает на те аспекты, которые не относятся к теме, вместо того, чтобы концентрироваться на самой теме. Носителю английского языка подобная манера письменного дискурса покажется крайне громоздкой и неоправданно косвенной. В письменном дискурсе французов были выявлены признаки дигрессии – отход от темы, ввод дополнительной информации.

Письменный дискурс русскоязычных студентов на английском языке, состоящий из 3 предложений, поражает Каплана неодинаковостью длины фраз: так, два первых предложения – совсем короткие, а последнее – очень длинное и составляет три четверти от всего отрывка. Также в отрывке очень много дополнительной информации, не относящейся к теме дискурса, неоправданно расширяющей ее.

Каплан делает вывод о том, что именно различия в риторических системах, в традициях структурирования информации необходимо осваивать студентам, для которых английский язык

неродной [5].

Двадцать лет спустя, М. Клайн сравнил способы выражения линейности, иерархичности, симметричности и целостности в текстах по лингвистике и социологии на английском и немецком языках, а также особенности интегрирования информации на материале 52 научных текстов. Он находит специфики в дискурсах, которые обусловлены, на его взгляд, различиями в образовательных системах и, как следствие, в интеллектуальных стилях мышления [3].

Исследование началось с незначительного сравнительного анализа правил написания сочинений для вступительных экзаменов в университет в Австралии и Германии. Оказалось, что правила оценки таких сочинений в Германии более гибкие. В Австралии (как и Великобритании) обращают внимание на линейность и релевантность (уместность), строго ограничивающую конструирование дискурса заданным вопросом. Рассмотрев эти сочинения, полученные результаты и замечания учителей, проверяющих работы, Клайн сформулировал основные положения конструирования дискурса, типичные для англоязычных сочинений: очень важна форма выпускного сочинения; цель сочинения определяется вопросом и должна быть указана в начале; раскрытие темы строго предопределено заданным вопросом, отход от темы означает нарушение принципа уместности; конец каждого абзаца должен быть продолжен в начале следующего (очень важно в США); повторы нежелательны.

В Германии форме уделяют меньше внимания; содержание, в котором допускаются отходы от темы, объяснения, – доминирующий фактор в оценке качества исследования. Немецкие выпускники школ, как правило, не владеют англосаксонскими правилами написания сочинений. Поступив в университет, они начинают осваивать АД, что предполагает использование: пассивных, безличных и возвратных конструкций; пассивных инфинитивов, модальных глаголов; номинализаций и сложных существительных; синтаксически сложных предложений. Важной особенностью немецкого АД, по мнению Клайна, является его способность отклоняться от темы (*digressive-ness*) – дигрессия. Во многих научных статьях и диссертациях представлен подробный экскурс к истокам темы, вводящий общую и дополнительную информацию, которая, как считается, позволяет автору прийти к более убедительному выводу.

Таким образом, Клайн противопоставляет линейность англо-саксонского АД, при которой нежелательны повторы, необходимости отклоняться от темы, зачастую вызывающей повторы, в немецком АД. Он подчеркивает, что, скорее всего, различия в конструировании АД обусловлены не морфологическими особенностями языков, а культурными традициями и отношением к знанию. Клайн также отмечает, что при возросшем научном обмене на международном уровне подобные различия могут влиять на оценку качества исследования представителями разных культур, хотя, безусловно, последние годы англосаксонские правила оформления научных трудов набирают все большую популярность [3].

Итак, сравнительный анализ М. Клайна показал, что отход от темы, как правило, встречается в немецком АД. В немецких текстах частотна асимметрия, т.е. размер абзацев может сильно отличаться в одной и той же статье. Дигрессия имеет в немецком АД различные функции, например, теоретическую, полемическую, дополнительной информации, историческую, идеологическую или функцию указания новых перспектив [3, р. 227]. Часто немецкие авторы оставляют представленное исследование незавершенным: один аргумент кажется «подвешенным в воздухе», а автор переходит к другому (явление, которое Клайн называет *discontinuity* – прерывность).

Англоязычные авторы используют объяснительные фразы, которые заранее указывают, какие аспекты будут освещены, какие действия будут описаны или предприняты. Когда подобная стратегия используется немецкими авторами, объяснение часто нечетко, может быть представлено не в начале статьи; создается впечатление, что немецким авторам стыдно, что они придерживаются англоязычных (неродных) стандартов АД [3].

Говоря о русскоязычном дискурсе, исследователи обращают внимание на параллелизм, берущий свои истоки еще в русской сказке, и который присутствует, по мнению американского антрополога Нэнси Райс, в устной речи современных россиян, что еще раз указывает на то, что сказка – отражение сути создавшего ее народа. Н. Райс смогла в этом убедиться, когда в годы перестройки приехала в Россию, чтобы работать над книгой. В гостях у некоей Натальи Викторовны Н. Райс слушала, как женщина на маленькой кухоньке перечисляла все проблемы россиян, а закончив, вернулась к другим проблемам, снабжая свой дискурс дополнительными яркими деталями о коррупции и неэффективности, сложностях жизни в России, крахе ценностей в обществе и т.д. [9, р. 85]. Н. Райс называет подобный устный дискурс литанией. Ввод

информации происходит по спирали – как в сказке. В общении говорящий часто возвращается к началу темы, дополняя ее новой информацией, расширяя ее, одновременно отдаляясь от основной темы [9] (что соответствует наблюдениям Р. Каплана 1966 года).

Интерактивность, проявляющаяся в активной диалогичности, тоже характерна русскоязычной сказке: повторяющиеся вопросы, обращения и многочисленные советы создают яркий эффект вовлеченности читателя в дискурс. Например: *Вскочил козел на чужой двор. Зачем вскочил? Бруска просить. На что бруска просить? Косу точить. ...На что избу топить? Маленьким ребятам прянички печь* [10, с. 132]. Или: *Ты, рябинушка раскудрявая, ты когда взошла, когда выросла?* [11, с. 160]. Удивительно, что подобная диалогичность фольклорного жанра, которая эффективно вовлекает читателя в процесс конструирования дискурса, довольно осторожно представлена в АД (особенно в сравнении с англоязычным). Это говорит о том, что в российской лингвокультуре присутствует четкое разграничение формального (официального) и неформального (бытового) дискурсов, обращающих внимание на различные социальные установки, например, статус, возраст говорящего и т.д. (что характерно для высококонтекстных культур, которой и является культура современной России) [12].

Сравнив сигналы интерактивности [13] в русско- и англоязычных исследовательских статьях, мы выявили некоторые очевидные отличия: англоязычные ученые значительно активнее своих русскоязычных коллег используют инклюзивные местоимения и вопросы; у русскоязычных авторов чаще, чем у англоязычных встречаются директивы. Таким образом, наибольшие различия мы наблюдаем там, где авторы четко обозначают свою исследовательскую личность в научном пространстве (использование местоимений), в степени заинтересованности в читателе, желании сфокусировать его внимание (вопросы) и провести по важным аспектам исследования, указывая ему нужное направление (директивы). Последний вид стратегии диалогичности частотен в русскоязычных статьях. Видимо, он компенсирует отсутствие указания на агента действия, но позволяет дать читателю необходимые указания о восприятии информации, не нарушая безличный стиль АД. Авторы из обеих культур продемонстрировали схожую частотность и особенность употребления пояснительных вставок и ссылок на общеизвестную информацию, влияющих на конструирование чувства солидаризации автора с читателем (см. результаты в таблице 1):

Таблица 1 - Результаты кросс-культурного анализа средств диалогичности

	Инклюзивные местоимения	Директивы	Пояснительные вставки	Ссылки на общеизвестную информацию	Вопросы
Русск.	35	315	242	64	7
Англ.	171	158	230	64	26

Причины различий могут быть самые разные. Существует мнение, что в современной российской академической среде в связи с отсутствием осязаемой конкуренции за представление качественного труда, способного увлечь читателя [14], нет необходимости для ученых налаживать процесс интерактивности в АД.

Причиной кажущегося безразличия русскоязычных авторов к читателю может быть и относительная изоляция российских ученых от мирового сообщества, объясняющая, почему англоязычные стандарты написания статей, открытых для диалога, не используются российскими учеными. Действительно, только недавно университеты стали внедрять инициативы, которые позволят мотивировать ученых участвовать в международных конференциях и публиковаться в престижных англоязычных журналах [15].

Мы считаем, что меньшая интерактивность российских ученых обусловлена традициями конструирования АД, на которые не могло не повлиять советское прошлое России, акцентирующее коллективизм [16]. Существующие нормы поведения в советском обществе не способствовали высказыванию своего мнения, не поощряли задавать вопросы, конструировать свою уникальную идентичность. Возможно, коллективистское прошлое до сих пор влияет на авторов, которые не выпячивают свое «я», размывая свою идентичность в научном пространстве и продолжая использовать местоимение «мы» (что свойственно, к примеру, и испанской академической традиции [17]).

Необходимо также подчеркнуть, что российская культура высококонтекста. Это значит, что передаваемая информация теряет свой смысл, если ее извлечь из социокультурного контекста, если не обращать внимания на множество сопутствующих символов. Представители

высококонтрастных культур, как правило, излагают информацию от общего к частному [18]. Принятый объем статей зачастую не позволяет авторам перейти к спецификам исследования. Обобщенность передаваемой информации, отсутствие подводящего итог заключения и четкой линейной структуры научной работы [1; 3] делают статьи российских ученых отличными от статей, которые следуют англоязычным стандартам публикации. Очевидно, что даже в контексте активных процессов глобализации, мы не можем ожидать унифицирования, к примеру, профессиональных видов дискурсов, так как их конструирование продолжает брать свои основы в традициях лингвокультуры.

Литература:

1. Вскочил козел на чужой двор (в обработке О. Капицы) // Радуга. Русские народные сказки, песенки, потешки. М.: Детская литература, 1976. 166 с.
2. Ты, рябинушка раскудрявая (в обработке О. Капицы) // Радуга. Русские народные сказки, песенки, потешки. М.: Детская литература, 1976. 166 с.
3. Хлюстова Я. Открытость на руку ученым // Газета.ру от 2 октября, 2013. URL: http://www.gazeta.ru/science/2013/10/02_a_5674741.shtml (дата обращения: 3.02.2014).
4. Хутыз И.П. Академический дискурс как форма институциональной коммуникации: лингвокультурный аспект // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орловский гос. инс-т искусств и культуры, 2012. Вып. 10. С. 102-115.
5. Bowe H., Martin K. Communication Across Cultures. Mutual Understanding in a Global World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 208 p.
6. Clyne M. Cultural differences in the organization of academic discourse // Journal of Pragmatics, 1987. №11. P. 211-247.
7. Clyne M. Intercultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 264 p.
8. Dumetz J. Communication within the Russian business culture: Mind the context!// Goingglobal.com. URL: http://old.goinglobal.com/hot_topics/russia_jerome_business.asp (дата обращения: 8.02.2014).
9. Dufrenne M. Language and Philosophy. New York: Praeger, 1968. 106 p.
10. Hyland K. Academic Discourse. New York: Continuum, 2009. 215 p.
11. Gibson R. Intercultural Business Communication. New York: Oxford University Press, 2008. 111 p.
12. Kaplan R.B. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education // Language Learning, 1966. №16. P. 1-20.
13. Khoutyz I. Engagement Features in Russian & English: a cross-cultural analysis of academic written discourse // Working Papers in TESOL & Applied Linguistics. New York: Columbia University, 2013. №13 (1). P. 1-20.
14. Lafuente-Millan E., Mur-Duenas P., Lores-Sanz R., Vazquez-Orta I. Interpersonality in written academic discourse: Three analytical perspectives // Constructing interpersonality. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 13-39.
15. Rogoff B. The Cultural Nature of Human Development. Oxford: Oxford University Press, 2003. 448 p.
16. Ries N. Russian Talk. Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca. London: Cornell University Press, 1997. 256 p.
17. Triandis H.C. Individualism & Collectivism. Boulder: Westview Press, 1985. 280 p.
18. Yudkevich M. Publications for Money: What Creates the Market for Paid Academic Journals? // Inside Higher Ed. 2012. URL: <http://www.insidehighered.com/blogs/world-view/publications-money-what-creates-market-paid-academic-journals> (дата обращения: 25.07.2012).

References:

1. A goat jumped on someone else's yard (in the treatment of O.Kapitza) // Rainbow. Russian folk tales, songs, nursery rhymes. M.: Children's Literature, 1976. 166 p.
2. Thou, Curly Ryabinushka (in treatment of O. Kapitza) // Rainbow. Russian folk tales, songs, nursery rhymes. M.: Literature, 1976. 166 c.
3. Khlyustova Y. Openness is for the benefit of scientists // Gazeta.ru on October 2, 2013. URL: http://www.gazeta.ru/science/2013/10/02_a_5674741.shtml (date accessed: 02/03/2014).
4. Khoutyz I.P. Academic discourse as a form of institutional communication: linguocultural aspect // Genres and types of a text in scientific and media discourse. Orel: Orel State. Inst. of Art and

Culture, 2012. Issue. 10. P. 102-115.

5. Bowe H., Martin K. *Communication Across Cultures. Mutual Understanding in a Global World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 208 p.

6. Clyne M. *Cultural differences in the organization of academic discourse* // *Journal of Pragmatics*, 1987. №11. P. 211-247.

7. Clyne M. *Intercultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 264 p.

8. Dumetz J. *Communication within the Russian business culture: Mind the context!* // *Goingglobal.com*. URL: http://old.goinglobal.com/hot_topics/russia_jerome_business.asp (дата обращения: 8.02.2014).

9. Dufrenne M. *Language and Philosophy*. New York: Praeger, 1968. 106 p.

10. Hyland K. *Academic Discourse*. New York: Continuum, 2009. 215 p.

11. Gibson R. *Intercultural Business Communication*. New York: Oxford University Press, 2008. 111 p.

12. Kaplan R.B. *Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education* // *Language Learning*, 1966. №16. P. 1-20.

13. Khoutyz I. *Engagement Features in Russian & English: a cross-cultural analysis of academic written discourse* // *Working Papers in TESOL & Applied Linguistics*. New York: Columbia University, 2013. №13 (1). P. 1-20.

14. Lafuente-Millan E., Mur-Duenas P., Lores-Sanz R., Vazquez-Orta I. *Interpersonality in written academic discourse: Three analytical perspectives* // *Constructing interpersonality*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 13-39.

15. Rogoff B. *The Cultural Nature of Human Development*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 448 p.

16. Ries N. *Russian Talk. Culture and Conversation during Perestroika*. Ithaca. London: Cornell University Press, 1997. 256 p.

17. Triandis H.C. *Individualism & Collectivism*. Boulder: Westview Press, 1985. 280 p.

18. Yudkevich M. *Publications for Money: What Creates the Market for Paid Academic Journals?* // *Inside Higher Ed*. 2012. URL: <http://www.insidehighered.com/blogs/world-view/publications-money-what-creates-market-paid-academic-journals> (date of access: 25.07.2012).